

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(470.24)''11/12''

DOI 10.26456/vthistory/2026.2.99

Поездки иноземцев в Новгород и социально-экономическое положение города в XII–XIII веках ³⁶

Е.М. Райчинец

ФГУБН «Институт российской истории РАН», Москва, Россия

В статье даётся характеристика сохранившихся сведений о социально-экономическом положении в Новгороде XII–XIII вв., тесно связанных с иноземными путешественниками. В рамках статьи иноземными путешественниками считаются все люди, не являющиеся уроженцами Новгорода, временно пребывающие на территории Новгорода. Новгород развивался в условиях постоянного притока иноземцев. Сведения об особенностях новгородского быта отражались в источниках, оставленных иноземцами, гораздо ярче, чем в местных, в том числе и потому, что сами путешественники были более заинтересованы в их сохранении. Из практических соображений записывалась информация о перипетиях во взаимоотношениях иноземцев с властями города, сложностях дорожного сообщения и тому подобное.

Ключевые слова: *средневековый Новгород, иноземцы, транспорт, инфраструктура, транспортная монополия.*

В историографии средневекового Новгорода под иноземцами традиционно³⁷ понимаются торговцы, обитатели Ганзейских дворов в Новгороде. Это связано с наличием массива источников об этой категории временного населения Новгорода. Сохранился обширный архив, хорошо задокументировавший деятельность ганзейцев. Новгородский ганзейский архив погиб, но в архивах Любека, Ревеля и Дерпта сохранились документы, раскрывающие детали новгородско-ганзейских отношений. Хорошая сохранность и безусловная ценность материалов о ганзейцах повлияла на то обстоятельство, что другие категории приезжавших в Новгород людей оказались в некоторой «тени», за пределами основного поля зрения исследователей. Тем не менее, поскольку сведения о таких иноземцах есть, не следует умалчивать о сохранившихся

³⁶ Научный руководитель – д-р филол. наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН, руководитель Центра по истории древней Руси Е.Л. Конявская.

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 0149-2025-006 «Формирование российской государственности, НИ-ОКТР 125022002766-1).

³⁷ Казакова Н.А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке // Исторические записки. М., 1949. Т. 28. С. 114.

фактах пребывания в Новгороде иных категорий иноземных путешественников. К ним можно причислить уроженцев других земель Руси, приезжавших временно в качестве мастеров, по дипломатическим, торговым и иным мотивам, представителей монгольской администрации, папских посланников, а также любых других иностранцев. В частности, среди тех, кто приезжал в Новгород, по ганзейским источникам известны фламандцы и ломбардцы (см. § 83 V-й скры; по мнению Н.А. Казаковой, явно свидетельствующий о прецеденте, случаях приезда и торговли в Новгороде неганзейцев³⁸). Но в этой работе речь пойдёт в основном о приезжающих по торговым делам.

Проблемы взаимоотношений иноземцев и Новгорода поднимались в работах исследователей³⁹. Однако основное внимание в работах уделялось XIV–XV вв., периоду расцвета Ганзейского союза. В связи с этим интерес представляют ранние отношения Новгорода с иноземцами, всё ещё относительно слабо изученные. Стоит отметить сравнительно небольшой массив источников по периоду XII–XIII вв. Среди опубликованных дипломатических актов, затрагивающих взаимоотношения с иноземцами, к этому времени относится всего 6 грамот⁴⁰. Помимо грамот на пергамене, отдельные известия по теме можно почерпнуть в летописях, в первую очередь, в Новгородской Первой летописи, а также летописях новгородско-софийской группы и берестяных грамотах.

Географическое расположение и инфраструктура Новгорода как факторы становления транзитной торговли. Новгород, находившийся на торговых путях, долгие века сталкивался с большим притоком иноземцев. Угнетающее воздействие специфического климата компенсировалось тем, что у Новгородской земли были товары для обмена, высоко ценившиеся в других землях, и возможности для обмена в пределах города. Развитая торговля позволяла жителям получать не только товары первой необходимости, но и экзотические товары и предметы роскоши⁴¹. Поэтому новгородцы сами стимулировали и постоянно поддерживали торговые связи. Что, в свою очередь, означало постоянный приток иноземцев, их присутствие и участие в городской жизни. Широкие торговые связи Новгорода и его гостеприимство

³⁸ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в., Л., 1975. С. 84.

³⁹ Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübecker Verlagsanst. Otto Waelde, Lübeck 1922; Кулишер И.М. История русской торговли. Петербург, 1923; Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. М., 1925 Т. 1; Кулишер И. М. Протекционизм и свобода торговли: основные вопросы международной торговой политики. Л., 1929; Казакова Н.А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой; Она же. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения...; Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963; Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986; Она же. Новгород и Ганза. М., 2009; Лукин П.В. Транспортный персонал средневекового Новгорода: об одной недостаточно изученной категории рядового населения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 1 (91). С. 90–96.

⁴⁰ Грамоты великого Новгорода и Пскова: 2-е изд. (далее – ГВНП2). М., 2025. Т. 1. С. 5–29.

⁴¹ История России: в 20 т., Т. 2, 2024. С. 318.

(стремление привлечь приезжих купцов) становились помехой для ганзейцев, которые стремились монополизировать новгородскую торговлю и стать единственным коллективным торговым партнёром Новгорода. Ганза долгое время боролась с Орденом за монополию в Новгороде. (О связанном с этой борьбой скандале 1396 г. см.: *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 85). Со своей стороны, изнутри, Ганза стремилась пресечь любые попытки отдельных ганзейских купцов войти в сговор с купцами-неганзейцами, чтобы не пустить последних, как конкурентов Ганзы, в Новгород.⁴² По мнению Е.А. Рыбиной, «приезжать в Новгород и жить во дворах имели право только купцы ганзейских городов, всегда стремившихся к монопольной торговле с русскими. Во всех редакциях *скры* и в переписке городов настойчиво повторялся запрет вступать в компанию с неганзейцами, особенно с голландцами и фламандцами – главными конкурентами Ганзы, или привозить их товары в Новгород. Нужно сказать, что и ганзейские города не все пользовались одинаковыми правами во дворе. Чаще других посещали Новгород и пользовались преимуществами купцы из ливонских, вендских, вестфальских городов, в то время как купцы из прусских городов, также входивших в Ганзу, были ограничены в торговле в Новгороде. Им запрещалось, например, привозить польские сукна, чтобы не создавать конкуренцию».⁴³

Само по себе нахождение города на торговых путях не гарантирует развитие и процветание. Важно, как город использует возможности, захочет и сможет ли он наладить быт, инфраструктуру, связи, проявить гибкость в общении с иностранцами. Есть пример города, который располагался в зоне торговых путей, но он не принимал чужаков, отталкивал их – город Арса (Артания) в арабских источниках. Он известен из сочинения Исхака аль-Истахри, иранского географа X в., описавшего путь «из арабов в варяги»⁴⁴.

Неслучайно и то, что некоторые иностранные источники считали Новгород («Хольмгард» в скандинавских сагах⁴⁵) столицей Руси. Они видели гигантский, по их меркам, город, с развитым правом, активной торговлей, хорошо сформированной транспортной сетью. Город, постоянно наполненный людьми, прибывающими со всех возможных направлений (Волжский торговый путь – «из варяг в арабы», Днепровский путь – «из варяг в греки», а также пути местного значения, например, Заволоцкий).

Инфраструктура города и пригородов также интенсивно развивалась. Этому способствовали всегда оживлённая обстановка на путях сообщения и стремление города привлечь к себе ещё больше ресурсов. Здесь находятся истоки формирования целой отдельной социальной группы – транспортного персонала, выделившегося среди массы новгородцев и специализировавшегося на перевозке и сопровождении грузов от границ Новгородской земли до

⁴² *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 86.

⁴³ *Рыбина Е.А.* Новгород и Ганза... С. 142–143.

⁴⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том III: Восточные источники. М, 2009. С. 85–86.

⁴⁵ *Джаксон Т.Н.* «Страна городов» и ее столица: Новгород в картине мира средневековых скандинавов // *Slověne*. 2015. Т. 4. № 1. С. 170–179.

Новгорода.⁴⁶ Функционирование института транспортного персонала было обоудовыгодно, поскольку иноземцы получали гарантии собственной безопасности и незамедлительной доставки своих грузов (кроме того, отпадала необходимость в самостоятельном срочном поиске подходящего для речного судоходства транспорта и опытного лоцмана. О том, что корабли ганзейцев не могли заходить в реки ярко свидетельствует случай посадки на мель прусских кораблей вблизи Нарвы)⁴⁷, а новгородцы – транспортную монополию и контроль над любыми передвижениями на всей территории Новгородской земли (ганзейцы периодически жаловались своим властям, что новгородцы не дают им самостоятельно транспортировать собственные товары, из-за чего ганзейцы вынуждены оплачивать навязанную услугу. Ограничения действовали до 1423 г., когда ганзейцам разрешили перевозить небольшие грузы и держать лошадей для доставки товаров посуху). Однако бывали и конфликты⁴⁸.

В Новгороде уже в XII в. сложился устойчивый порядок приёма иноземных купцов, который был приспособлен к погодным условиям. Отсюда термины «зимние гости»⁴⁹ и «летние гости»⁵⁰. Способ передвижения купцов (санный путь, водный) варьировался в течение годового цикла: распутица, первый путь, ледостав (есть ещё выражение «по первому льду», встречающееся в письме ревельского комтура 1443 г.⁵¹). При этом действовало правило, согласно которому иноземец должен был уйти тем же путём, которым прибыл в город («Если кто приедет по Неве, то пусть и обратно едет по Неве; а если кто приехал по суше, то пусть и обратно едет по суше, без препятствий»⁵²). Это, помимо выполнения функции контроля, накладывало ограничения на сроки возможного пребывания в городе иноземцев, конкретизировало время их отбытия восвояси. Стоит, правда, оговориться, что есть относительно поздние сведения (первой трети XV в.) о систематическом нарушении и «растягивании» сроков пребывания на иноземных дворах, особенно среди молодых торговцев⁵³. Отдельные случаи нарушений, видимо, случались и раньше, поскольку, согласно § 87 IV-й скры (начала XIV в.), были установлены санкции: нарушитель терял права двора⁵⁴.

Берестяные грамоты сохранили свидетельства предприимчивости новгородцев, приспособившихся как к климатическим условиям, достаточно сильно влиявшим на годичный круг повседневной жизни, так и к их экономическим последствиям. Например, описываются ситуации периода распутицы,

⁴⁶ Лукин П.В. Указ. соч. С. 90–96.

⁴⁷ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 75.

⁴⁸ Лукин П.В. Указ. соч. С. 90–96; Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 96.

⁴⁹ ГВНП2. № 4, [1268 г.]. С. 42, 48.

⁵⁰ Там же. С. 41, 43, 48.

⁵¹ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 66.

⁵² ГВНП2. № 5, [1269 г., март]. С. 53.

⁵³ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 117.

⁵⁴ Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде... С. 155.

когда было выгодно торговать, поскольку конкурентного иноземного товара мало. Так, берестяная грамота № 999, датируемая XII в.⁵⁵, содержит указание новгородца «придержать» только что собранную с населения и отправленную с посыльным рожь и продать её позже, в распутицу. Очевидно, в таких случаях зерно выставляли на продажу подороже, поскольку в условиях дефицита на него всё равно будет высокий спрос.

Правовое регулирование взаимодействий с иноземцами. Присутствие иноземцев подталкивало Новгород к усовершенствованию права. Ещё в первой трети XI в. в Новгороде было осуществлено правовое закрепление льгот варяжского контингента. Основной закон, «Русская Правда», содержал специальные статьи, призванные урегулировать конфликтные ситуации, возникавшие между местным населением и иноземцами.⁵⁶ Также, согласно «Уставу о мостех», в поддержании качества дорожного покрытия участвовали не только новгородцы, но и проживавшие на иноземных дворах «немцы» и «готы»⁵⁷.

Ввиду необходимости защиты экономических интересов Новгорода (одно из проявлений политики протекционизма), было установлено, чтобы иноземцы различных направлений торговали только через посредство новгородцев, но никак не напрямую между собой. Ещё в начале XX в. И.М. Кулишер отстаивал возможность применения термина «протекционизм» в отношении политики средневекового Новгорода⁵⁸. Кулишер исходит из того, что ганзейцы пытались утвердить право торговать с иноземцами напрямую в 1268 г.⁵⁹ Косвенное свидетельство существования этого правила прослеживается в договоре Полоцка начала XV в.: «А с Новьгородци Немецькому купцю торговати, а промежи има ходити нашему Полочанину: занеже насъ новьгородци не пустять у Немецький дворъ торговати безъ своего Новьгородца»⁶⁰.

Иноземным гостям приходилось считаться не только с погодой в дороге, но и с «погодой» и настроениями в администрации города. Новгородская администрация могла воспользоваться своим правом посадить ганзейцев под домашний арест на территории дворов, наложить полный запрет на передвижения за пределами каждого из иноземных дворов, а также на покупку иноземцами продуктов питания в городе, как это было в 1425 г., когда в Новгороде на обоих дворах находилось 150 иноземцев⁶¹. Попытки противодействия администрации Новгорода прослеживаются в проекте договора 1268 г.

⁵⁵ Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. С. 97–98.

⁵⁶ Правда Русская / под ред. Б. Д. Грекова. М., 1940. С. 13 (п. 10), 14 (п. 10–11).

⁵⁷ Гиппиус А.А. К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // Славяноведение. 2005. № 4. С. 24.

⁵⁸ Кулишер И.М. История русской торговли...; Он же. Протекционизм и свобода торговли ... С. 31; Он же. История русского народного хозяйства. С. 170.

⁵⁹ Кулишер И.М. История русской торговли... С. 74.

⁶⁰ Договор Полоцка с ливонским магистром и Ригою 1405 г. См.: Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch (LUB), Bd VI, Riga, 1873. № 2963; Казакова Н.А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой... С. 116.

⁶¹ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 107.

(разобран далее). Таким образом, есть поздние данные (выходящие за рамки XII–XIII вв.) о произошедших фактах арестов ганзейцев на территориях дворов и ранние данные о попытках иноземцев обезопаситься и не допустить подобного в будущем.

Конфликт с администрацией мог закончиться изгнанием конкретного состава купцов раньше планируемого срока. В таком случае, они теряли свою сезонную выгоду. Также провоцировался рост цен на услуги перевозки и транспортировки в условиях повышенного спроса (массового выезда из Новгородской Земли иноземцев).

Другие ограничения, которые могла накладывать администрация города – арест торговцев и членов иноземных дворов, конфискация товаров и имущества, отмена некоторых привилегий по причине нарушения договорённостей – приводили к разрыву деловых отношений, бегству торговцев из Новгорода. Это обездвиживало транзитную торговлю и мешало нормальному функционированию товарооборота. В условиях сезонной продолжительности цикла, последствия временных запретов растягивались на несколько сезонов и продолжали влиять на торговлю в будущем.

И новгородцам, и иноземцам было невыгодно ослабление деловых контактов. В связи с этим в случае возникновения конфликтной ситуации обе стороны старались прийти к её разрешению. Например, по договору 1191–1192 гг., в случае конфликта не следовало сразу же арестовывать предполагаемых нарушителей: «рубѣжа не творити, на другое лѣто жаловати»⁶². По договору 1269 г. «летние» купцы не несли ответственность за конфликты новгородцев с «зимними», и наоборот. Отсутствие коллективной ответственности – по крайней мере вне отдельной сезонной группы – давало возможность иноземцам, не связанным с конфликтом, приезжать в Новгород, не опасаясь за свою жизнь и свободу. Это способствовало поддержанию бесперебойной транзитной торговли несмотря на мелкие конфликты. При этом внутри сезонной группы (зимней или летней) ответственность фактически была коллективной. Это, по-видимому, связано с обычаем заступаться за товарищей. Обвиняемый мог «упираться», рассчитывая, что сторона обвинения не станет рисковать долгосрочными сложившимися связями и, из соображений выгоды, решит не настаивать на наказании (см. договор Новгорода с Готландом и Любеком о торговле⁶³). Кулишер называет систему арестов целой группы за провинность одного её члена «правом репрессалий»⁶⁴.

Попытки урегулировать взаимоотношения Новгорода с иноземцами, установить правила, которые способствовали бы мирному сосуществованию новгородцев и ганзейцев в Новгороде, предпринимались не только с новгородской, но и с ганзейской стороны. Так, сохранившийся неутверждённый проект договора Новгорода с Готландом и Любеком 1268 г., составленный

⁶² ГВНП2. № 1, [1191–1192 гг.]. С. 37.

⁶³ Там же. № 5, [1269 г., март]. С. 52–53.

⁶⁴ Кулишер И.М. История русской торговли... С. 58.

ганзейской стороной, предусматривал меры по защите ганзейцев в Новгороде. Оговаривалось, что если гость провинится перед русским, «пусть будет извещён староста гостей, и никто не будет хватать другого за одежду, но староста да прострёт руку перед виновным, чтобы привести его для судебного разбирательства»⁶⁵. Видимо, прецеденты были. В обратной ситуации, если русский провинится в отношении гостя, проект говорит лишь об извещении тысяцкого и старосты новгородцев. Кроме того, ганзейцы стремились обезопасить себя от арестов и любого вмешательства в свои внутренние дела со стороны новгородской администрации, добавив в проект положение о запрете для бирича, новгородского «стража» (лат. «custos»⁶⁶, согласно трактовке самих ганзейцев), входить на двор, «и да не будет пребывать нигде перед двором, ибо это не соответствует старому праву»⁶⁷. Обитатели дворов, вводя подобное положение, по сути, отстаивали неподсудность двора воле новгородской администрации. Отдельно вынесено положение о запрете поединков на улице между немецкими дворами, «ибо из-за безрассудных забав такого рода исстари в вышеуказанном месте могли возникать раздоры между гостями и русскими»⁶⁸. Ключевым словом является слово «исстари», что снимает вопрос о возможной единичности описанных происшествий. Таким образом, проект содержит свидетельства о фактах социальной напряжённости между обитателями дворов и новгородцами и представляет собой, помимо прочего, попытку преодолеть их.

Тот же проект 1268 г. предусматривал большой штраф за попытку посягательства на территориальную целостность и независимость самих ганзейских дворов как факторий или демонстрацию намерения его осуществить: «если же кто безрассудно порубит частокол или ворота двора, или выстрелит по двору из лука или из другого оружия, или запустит [в него] камнями или [чем-либо] другим, то... заплатит 10 марок серебра»⁶⁹. Для сравнения, нанесение раны свободному мужу, рядовому ганзейцу, влекло штраф всего в 1,5 марки серебра⁷⁰. Ганза тщательно оберегала экстерриториальный статус дворов. Дворы были приспособлены для проживания в них в условиях осадного положения: частокол Готского двора был устроен из брёвен диаметром 40 см против стандартных жердей 12–14 см у усадеб новгородцев⁷¹. Кроме того, по мнению Е.А. Рыбиной, въездные ворота Готского двора могли находиться в основании каменной башни, что также обеспечивало защиту. Также Рыбина обращает внимание, что изображённые на фризе XIV в. из Штральзунда новгородские купцы несут товары на Немецкий двор, «вход в который обозначен башней»⁷².

⁶⁵ ГВНП2. № 4, [1268 г.]. С. 44.

⁶⁶ Там же. С. 45.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. № 4, [1268 г.]. С. 47.

⁷¹ Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. С. 129.

⁷² Там же. С. 135.

Другие категории иноземцев в Новгороде не имели факторий, основанных на принципах экстерриториальности. В основном они проживали на так называемых «русских дворах», то есть временно останавливались на постоя у новгородцев.

Известна берестяная грамота № 502 второй половины XII в., связанная с допросом на суде в качестве свидетеля некоего Гавко Полочанина. Среди вопросов, которые следовало задать иноземцу, первым фигурировал: «кодь ти на Господь витаеть» (А.А. Зализняк трактует фразу так: «где он стоит на постое»)⁷³. Участников заседания интересовало, где иноземец, не будучи местным, остановился. Следовательно, было много вариантов постоя, а не какое-то одно, строго определённое место (квартал, район, двор), как в случае с ганзейцами.

До сих пор названия древнейших улиц Великого Новгорода отражают иноземное влияние: Прусская (прусы; впервые упоминается в НПЛ под 1230 г.⁷⁴), Чудинцева (чудь; впервые упоминается в НПЛ под 1176 г.⁷⁵; мнение об образовании Чудинцевой улицы непосредственно от этнонима «чудь» не поддержал В.Л. Васильев, который обращает внимание на схожесть модели образования слова с другими, носящими конкретно-единичную принадлежность⁷⁶ (ср.: Редятина улица)), Варяжская (варяги; впервые упоминается в НПЛ под 1272 г., относительно поздно⁷⁷ (Новгородская 3-я летопись под 1014 г. вводит комментарий относительно происхождения названия Варяжской улицы от места, где стояли варяги, приведённые Ярославом из-за моря⁷⁸)). В этом ряду следует назвать Неревский конец (впервые упоминается в НПЛ под 1172 г.⁷⁹; название, возможно, происходит от прозвища угро-финнов)⁸⁰. По одной из версий, Прусская улица носила такое название из-за того, что в этих районах селились иноземные купцы-прусы, время возникновения улицы с таким названием связывается с расцветом торгового пути Рижский залив – Новгород.⁸¹

Князья могли приводить в Новгород полки из других городов и земель Руси. Так, НПЛ под 1228 г. упоминает о трёхлетнем стоянии полков князя Ярослава Всеволодовича, приведённых из Переяславля для похода на Ригу:

⁷³ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. С. 405–406.

⁷⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. (далее – НПЛ). С. 277.

⁷⁵ Там же. С. 35

⁷⁶ Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005. С. 354.

⁷⁷ НПЛ. С. 90.

⁷⁸ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1879. Т. 3. Вып. 2. Издание 2-е. Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). С. 175.

⁷⁹ НПЛ. С. 34.

⁸⁰ Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 42–43

⁸¹ Васильев В.Л. Указ. соч. С. 363.

«Тыгда же приведе пълкы ис Переяславля, а река: «хочю ити на Ригу»; и стаха около Городища шатры, а инии въ Славнѣ по дворомъ. И въздорожиша все по търгу: и хлѣбъ, и мяса, и рыбы; и оттолѣ ста дороговъ: купляху хлѣбъ по 2 кунѣ, а кадь ржи по 3 гривнѣ, а пшеницю по 5 гривенъ, а пшена по 7 гривенъ; и тако ста по 3 лѣта»⁸². Иноземные войска были размещены как в уличных шатрах, так и в домах новгородцев Славенского конца, то есть на тех же «русских дворах», о которых говорилось выше.

Есть свидетельства, когда в голодные времена новгородцы отдавали своих детей «гостям» (известия НПЛ под 1128 г.⁸³, под 1230 г.⁸⁴). Причём в 1128 г. «отец и мати чадо свое въсажаше въ лодью даромъ (здесь и далее подчёркнуто мной. – Е.Р.) гостымъ»⁸⁵, чтобы спасти своих детей от голодной смерти. По-видимому, новгородцы были убеждены, что там, куда детей увезут, у них будет шанс выжить. Стоит отметить тот факт, что в первой половине XII в. функционировал и путь на запад, и путь на юг (в рамках Волжского пути и пути «из варяг в греки»). И то, и то направление было давно «проторено», поэтому неизвестно, какое именно использовалось в данной ситуации. В любом случае летописец сетует, что «ово ихъ измъроша, а друзии разидошася по чюжимъ землямъ»⁸⁶. Ознакомление с рукописью Синодального списка НПЛ старшего извода (Л. 12 об.) даёт возможность выделить смысловые блоки иначе, не так, как это сделали в ПСРЛ, в соответствии с точками в самой рукописи (см. табл.).

Текст известия в разбивке составителей ПСРЛ, Т. 3:	Рукопись Синодального списка НПЛ старшего извода (Л. 12 об.):
«Туга, бѣда на всѣхъ, отецъ и мати чадо свое въсажаше въ лодью даромъ гостымъ, ово ихъ измъроша, а друзии разидошася по чюжимъ землямъ. И тако по грѣхомъ нашимъ погыбе земля наша». ⁸⁷	«. Туга бѣда на всѣхъ отецъ и мати . Чадо свое въсажаше въ лодью даромъ гостымъ . Ово ихъ измъроша . А друзии разидошася по чюжимъ землямъ . И тако по грѣхомъ нашимъ погыбе земля наша». ⁸⁸

Оригинальное членение на фразы подтверждает версию о том, что три предложения перед заключительным в известии под 1128 г. тесно связаны между собой, объединены течением общей мысли (о беде родителей, об отдаче детей, о гибели многих из них, о том, что другие разошлись по чужим землям). Поэтому, вполне вероятно, что «ово ихъ» и «друзии» относится к отданным детям, а не просто к новгородцам в целом. Чтение «ово ихъ» в поздних списках претерпело изменения. В Новгородской Карамзинской летописи:

⁸² НПЛ. С. 66.

⁸³ Там же. С. 22.

⁸⁴ Там же. С. 71.

⁸⁵ Там же. С. 22

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 22.

⁸⁸ Рукописный отдел ГИМ. Синодальное собр. № 786. XIII – первая половина XIV века. Л. 12 об.

«овии измроша»⁸⁹. В Новгородской четвёртой летописи фраза «и ово ихъ измроша» пропущена в Строевском, Синодальном и списке Публичной библиотеки, имеется только в Новороссийском списке.⁹⁰ В Архивском списке о голоде лишь упоминается. В Софийской 1-й летописи всего известия о голоде нет. Пропуск конструкции полностью или частично может косвенно свидетельствовать о том, что фраза (и конкретно принадлежность «ихъ»), возможно, не была понята переписчиками поздних списков, которые предпочли опустить неисправный, по их мнению, фрагмент текста.⁹¹ Исходя из текста известия под 1128 г., можно сделать вывод, что надежды людей на выживание оказались связаны с уходом в другие земли, к иноземцам.

Столетие спустя, в 1230 г. «даяху отци и матери дѣти свое одьрень ис хлѣба гостѣмъ»⁹². Летописец (согласно тексту НПЛ, этим летописцем был Тимофей пономарь⁹³) подчёркивает, что, во втором случае, голод был «не въ нашей земли въ одинои, нъ во всеи области Русстѣи»⁹⁴. Таким образом, летописец, писавший известие под 1230 г. и, скорее всего, обращавшийся к отрывку под 1128 г., дополняет известие сведениями об отдавании в рабство («одьрень ис хлѣба») и затем пытается пояснить, почему так вышло, добавив информацию о большом масштабе бедствия, чего также не было в более раннем известии под 1128 г.

Какие именно люди подразумевались под «гостями» в этих двух похожих местах НПЛ нельзя понять однозначно. Большинство исследователей, рассматривающих данные эпизоды, не останавливают внимание на «гостях», ограничиваясь общим комментарием, что это некие *купцы*. Тем не менее, в историографии есть две основные версии, уточняющие, кем именно были «гости».

В дореволюционной историографии считалось, что «гостями» в данных известиях являлись ганзейские или иные иностранные купцы, по аналогии с другими местами НПЛ, где под «гостями» явно подразумеваются именно ганзейцы. Сторонники, не подвергавшие эту точку зрения ни тени сомнения: М.П. Погодин («1128 г. матери отдавали иностранным гостям в крепость детей во время голода.»⁹⁵, И.М. Кулишер («Когда в летописи (Перв. Новг.) сообщается, что в 1128 г. во время жестокого голода в Новгороде «отец и мати свое чадо даваше даром гостем», то мы правда не знаем, о купцах из каких стран идет речь...»)⁹⁶, Н.М. Карамзин («Отцы и матери отдавали детей купцам

⁸⁹ ПСРЛ. М., 2002. Т. 42. С. 73.

⁹⁰ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 144.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 3. 1879. С. 6.

⁹² НПЛ. С. 71.

⁹³ Там же. С. 70.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. Т. 2: Обзорение составных частей государства и отношений их между собой, в продолжение удельного периода. М., 1871. С. 403–828. С. 468.

⁹⁶ Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. М., 1925. Т. 1. С. 149.

иноземным в рабство, и многие граждане искали пропитания в странах отдаленных»⁹⁷. Таких же взглядов придерживался позднее Б.А. Романов в своей работе по истории быта⁹⁸.

В настоящее время появилась точка зрения, связывающая «гостей» в известиях XII – XIII вв. с существовавшим в более позднее время (во второй половине XV – первой четверти XVIII вв.) в Русском государстве обозначением сословной корпорации купцов, совмещавших торговую и дипломатическую функцию.⁹⁹ В пользу этой точки зрения может свидетельствовать тот факт, что сам летописец в двух соседних известиях (об отдаче детей «гостям» в 1230 г. и о помощи «немцев» с продовольствием в 1231 г.) разъединяет понятия «гость» и «немец из заморья», как будто речь идёт о разных категориях людей. В случае принятия этой версии придётся допустить, что людьми, увёзшими детей прочь из города, могли быть ведущие новгородские купцы. Но, так или иначе, возможность увезти детей из Новгорода появилась именно благодаря налаженным связям с иноземцами.

Новгородцы, согласно летописям, радовались приезжим купцам, гостям. В частности, НПЛ под 1231 г. отмечает помощь «немцев изъ заморья» в период двухлетнего голода в Новгороде, так как те привозили жито и муку, «и створиша много добра»¹⁰⁰. Эти события тесно связаны с политикой папы Григория IX, который в 1229 г. призвал ганзейские города к торговой блокаде Новгорода¹⁰¹. Д.Г. Хрусталёв предполагает, что блокада касалась только одного Новгорода¹⁰². Рассматривая взаимоотношения Руси с Западом, Хрусталёв писал о борьбе новгородцев и псковичей с крестоносцами за влияние на землях карел, вожан, ижерян, еми и других,¹⁰³ а также о голоде, начавшемся в рамках подготовки к войне с «немцами»¹⁰⁴. Неизвестно, насколько новгородский летописец был осведомлён по поводу данных обстоятельств внешнеполитической ситуации. Но, как видно, книжник благодарит «немцев из заморья», которые фактически нарушили папские предписания, привезя в Новгород продовольствие.

Формула «немцы из заморья» появляется также в НПЛ под 1237 г., когда «нѣмци изъ заморія», объединив усилия с местными (Орден меченосцев, фигурируют в летописи как «рижане») в Риге, чудью и псковичами, пошли совместным походом на Литву¹⁰⁵. По некоторым данным, «немцами из заморья»

⁹⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. М., 1991. Т. 2–3. С. 108.

⁹⁸ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.; Л., 1966. С. 187.

⁹⁹ Салмин С.А. «Гости» в социальной системе древнерусского государства: государственные служащие? // Stratum plus, №6. 2015 – С. 43–52.

¹⁰⁰ НПЛ. С. 71, 280.

¹⁰¹ Хрусталёв Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб, 2009. С. 192.

¹⁰² Там же. С. 195.

¹⁰³ Там же. С. 164–165.

¹⁰⁴ Там же. С. 178.

¹⁰⁵ НПЛ. С. 74, С. 285.

в 1236 г. был отряд крестоносцев из Гольштейна¹⁰⁶. В событиях военного противостояния 1232–1233 гг. под летописными «немцами» скрываются жители Ливонии (Медвежьей головы). Не исключено, что «немцами из заморья» 1231 г. были немцы с территорий, расположенных западнее Риги.

По проезжей грамоте князя Ярослава Ярославича¹⁰⁷, данной Риге и предоставляющей купцам «чисть путь»¹⁰⁸ (свободный путь) по новгородским владениям, путь даётся в целом «немецкому гостю»¹⁰⁹, но само послание обращено «ко рижаномъ, и к болшимъ и к молодымъ, и кто гостить, и ко всѣмъ»¹¹⁰. Проезжая грамота хотя и использует во вступительной части обобщённое понятие «немецкий гость», но чётко направляет правовое действие грамоты именно на «рижан», что перекликается с разобранным выше различием летописью понятий «немцев из заморья» и «рижан».

Выводы. Обобщая вышесказанное, можно заключить, что известия о связях Новгорода XII–XIII вв. с иноземцами занимают заметное место во внутренних и внешних правовых документах, а также в летописях, записях путешественников и берестяных грамотах. Имеющиеся в сравнительно небольшом количестве письменные источники об иноземцах в Новгороде ещё не исчерпаны и могут дать ценные сведения по социально-экономической истории Новгорода XII–XIII вв.

Выгодное расположение Новгорода на торговых путях и внимание населения к развитию собственной инфраструктуры повлияли на формирование в Новгороде крупного центра международной транзитной торговли. Во многом благодаря ганзейским источникам известно, что торговля и, соответственно, проезд иноземцев в город были циклическими и зависели от климатических и погодных условий.

Ввиду необходимости поддерживать порядок и разрешать конфликты между иностранцами и местными специфическое направление развития получило право – важно было не только рассудить спор, но и учесть разную правовую базу сторон конфликта. В целях защиты интересов Новгорода для иноземцев вводились ограничения: Новгород оставлял за собой транспортную монополию и контроль над транзитной торговлей (сделки между иноземцами напрямую были запрещены).

Статус разных категорий иноземцев был неодинаков. Если ганзейцы, проживавшие на иноземных дворах, пользовались правом экстерриториальности, то все остальные иностранцы, по-видимому, таких прав не имели.

Иноземцы, как и новгородцы, были заинтересованы в поддержании стабильных многолетних контактов с Новгородом, и поэтому в случае возникновения мелких конфликтов стороны старались по возможности, не разрушать

¹⁰⁶ Urban W. The Prussian Crusade. 2nd ed. Chicago, Illinois, 2000. P. 145.

¹⁰⁷ В ГВНП2 грамота под № 3, датируется 1266–1272 гг., предпочтительно – 1268 г., то есть временем переговоров Новгорода и Ганзы о новом мире (см.: ГВНП2. № 3, [1266-1272 гг.]. С. 40).

¹⁰⁸ Там же. С. 40.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

стабильный цикл транзита, а решать споры в частном порядке, что, однако, получалось далеко не всегда. Сложности, связанные с обеспечением взаимных гарантий и привлечением к ответственности сторон друг перед другом, тормозили процесс разрешения конфликтов, который мог затягиваться на годы и даже десятилетия. Договоры 1191–1192 гг. и 1269 г. между Новгородом и ганзейскими городами принимались с целью долгосрочного разрешения конфликтов, приведших к разрыву отношений, и были направлены на предотвращение подобных ситуаций в будущем.

Связи с иноземцами играли большую роль в периоды крупных потрясений в Новгороде. Согласно летописным данным, в XII–XIII вв. произошло два случая затяжного голода в Новгороде, когда наличие контактов с иноземцами имело положительные последствия, поскольку была возможность вывезти детей из голодающего города и привезти продовольствие. В 1230–1231 гг. голод был вызван торговой блокадой Ганзы, навязанной ей извне, и прекратился вследствие самовольного снятия этой блокады ганзейцами.

Список литературы:

1. *Васильев В.Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования) / НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2005. – 468 с.
2. *Гиппиус А.А.* К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // Славяноведение. 2005. № 4. С. 9–24.
3. *Джаксон Т.Н.* «Страна городом» и ее столица: Новгород в картине мира средневековых скандинавов // Slověne. 2015. Т. 4. № 1. С. 170–179.
4. История России: в 20 т. Т. 2. Государства и народы на территории России в VI – середине XIII века. Становление и развитие Руси / Ин-т российской истории РАН. М.: Наука, 2024. – 1055 с.
5. *Казакова Н.А.* Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке // Исторические записки. М.: АН СССР, 1949. Т. 28. С. 111–131.
6. *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л.: Наука, 1975. – 360 с.
7. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. М.: Наука, 1991. Т. 2–3. – 828 с.
8. *Кулишер И.М.* История русского народного хозяйства. М.: кооперативное издательство «Мир», 1925. Т. 1. – 215 с.
9. *Кулишер И.М.* История русской торговли. Петербург: Тип. Коминтерна, 1923. – 328 с.
10. *Кулишер И.М.* Протекционизм и свобода торговли: основные вопросы международной торговой политики. Л., 1929. – 612 с.
11. *Лукин П.В.* Транспортный персонал средневекового Новгорода: об одной недостаточно изученной категории рядового населения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 1 (91). С. 90–96.
12. *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. – 240 с.

13. Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1986. – 173 с.
14. Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 320 с.
15. Салмин С.А. «Гости» в социальной системе древнерусского государства: государственные служащие? // *Stratum plus* №6. 2015 – С. 43–52.
16. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 368 с.
17. Хрусталёв Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб, 2009. – 416 с.
18. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // *История СССР*. 1971. № 2. С. 32–61.
19. Goetz L.K. *Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters*. Lübecker Verlagsanst. Otto Waelde, Lübeck 1922.
20. Urban W. *The Prussian Crusade*. 2nd ed. Chicago, Illinois, 2000.

Об авторе:

РАЙЧИНЕЦ Елизавета Михайловна – аспирантка, Институт российской истории, РАН (Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19), e-mail: elizaveta_raychinets@mail.ru, ORCID: 0009-0002-7706-1402

Foreigners' trips to Novgorod and the socio-economic situation of the city in the 12th–13th centuries

E. M. Raychinets

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

This article provides a description of surviving information on the socio-economic situation in Novgorod in the 12th–13th centuries, closely related to foreign travelers. In this article, foreign travelers are defined as all people not native to Novgorod, who temporarily resided in Novgorod. Novgorod developed under conditions of a constant influx of foreigners. Information about the peculiarities of Novgorodian life was reflected in sources left by foreigners much more vividly, than in local sources, in part because the travelers themselves were more interested in preserving them. For practical reasons, information was recorded about the ups and downs of foreigners' relationships with city authorities, the difficulties of road communications, etc.

Keywords: *medieval Novgorod, foreigners, transportation, infrastructure, transport monopoly.*

About the author:

RAICHINETS Elizaveta Mikhailovna – graduate student, Institute of Russian History, RAS (Russia, 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19), e-mail: elizaveta_raychinets@mail.ru, ORCID: 0009-0002-7706-1402

References

- Vasil'ev V.L., *Arkhaicheskaya toponimiya Novgorodskoi zemli (Drevneslavyanskije deantroponimnye obrazovaniya)*, NovGU imeni Yaroslava Mudrogo, Velikii Novgorod, 2005. – 468 s.
- Gippius A.A., *K izucheniyu knyazheskikh ustavov Velikogo Novgoroda: «Ustav knyazya Yaroslava o mostekh»*, Slavyanovedenie. 2005. № 4. S. 9–24.
- Dzhakson T.N., *«Strana gorodov» i ee stolitsa: Novgorod v kartine mira srednevekovykh skandinavov*, Slověne. 2015. T. 4. № 1. C. 170–179.
- Kazakova N.A., *Iz istorii snoshenii Novgoroda s Ganzoi v XV veke // Istoricheskie zapiski*, M., AN SSSR, 1949. T. 28. C. 111–131.
- Kazakova N.A., *Russko-livonskie i russko-ganzeiskie otnosheniya. Konets XIV – nachalo XVI v.*, L., Nauka, 1975. – 360 s.
- Karamzin N.M., *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*, V 12 t. M., Nauka, 1991. T. 2–3. – 828 s.
- Kulisher I.M., *Istoriya russkogo narodnogo khozyaistva*, Tom 1. M., kooperativnoe izdatel'stvo «Mir», 1925. – 215 s.
- Kulisher I.M., *Istoriya russkoi trgovli*, Peterburg, Tip. Kominterny, 1923. – 328 s.
- Kulisher I.M., *Proteksionizm i svoboda trgovli: osnovnye voprosy mezhdunarodnoi trgovoi politiki*, L., 1929. – 612 s.
- Lukin P.V., *Transportnyi personal srednevekovogo Novgoroda: ob odnoi nedostatochno izuchennoi kategorii ryadovogo naseleniya*, Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2023. № 1 (91). S. 90–96.
- Romanov B.A., *Lyudi i nryvy Drevnei Rusi. Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv.*, M., L., Nauka, 1966. – 240 s.
- Rybina E.A., *Inozemnye dvory v Novgorode XII–XVII vv.*, M., Izd-vo MGU, 1986. – 173 s.
- Rybina E.A., *Novgorod i Ganza*, M., Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2009. – 320 s.
- Salmin S.A., *«Gosti» v sotsial'noi sisteme drevnerusskogo gosudarstva: gosudarstvennye sluzhashchie?*, Stratum plus № 6. 2015. S. 43–52.
- Khoroshkevich A.L., *Torgovlya Velikogo Novgoroda s Pribaltikoi i Zapadnoi Evropoi v XIV–XV vekakh*, M., Izd-vo AN SSSR, 1963. – 368 s.
- Khrustalev D.G., *Severnye krestonostsy. Rus' v bor'be za sfery vliyaniya v vostochnoi Pribaltike XII–XIII vv.*, SPb, 2009. – 416 s.
- Yanin V.L., Aleshkovskii M.Kh., *Proiskhozhdenie Novgoroda (k postanovke problemy)*, Istoriya SSSR. 1971. № 2. S. 32–61.

Статья поступила в редакцию 24.03.2026 г.

Подписана в печать 29.06.2026 г.